

это слишком тонкие различия. Все-таки представление о психологическом росте присутствует в теории Келли, а в концепции Фiske и Мадди открыто признается его

важность и дается объяснение этого феномена, а не просто постулируется его наличие, как в большинстве теорий самореализации.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ АНАЛИЗЕ ТРЕХ МОДЕЛЕЙ

Как вы видели, модели конфликта, самореализации и согласованности различаются по ряду признаков. Некоторые из этих отличий относятся к очень абстрактному уровню, такие, как предположение теорий конфликта о несовпадении основных целей человека и общества в противовес убежденности сторонников теорий самореализации в том, что цели человека и общества вполне совместимы. Такие абстрактные расхождения порождают трудноразрешимые вопросы, особенно на основании эмпирических фактов и даже на основе теоретических построений. С моей точки зрения, наиболее плодотворный способ разобраться с такими невероятно абстрактными характеристиками теорий — это посмотреть, обладает ли каждая теория логической непротиворечивостью. Так, если в теории утверждается, что человек и общество враждебны друг другу, логично также предположить, что жизнь — это в лучшем случае компромисс. Рассматривать жизнь по-другому — значит противоречить положению о неизбежности конфликта.

В предыдущем разделе этой главы я попытался рассмотреть три модели с точки зрения их внутренней логики и определить, довольно поверхностно, насколько отдельные теории, представляющие эти модели, соответствуют этой логике. Это очень сложная задача отчасти потому, что отдельные

теории иногда не полностью четко сформулированы и излишне метафоричны. Тем не менее я практически убежден, что большинство теорий конфликта, самореализации и согласованности демонстрируют достаточный уровень логической непротиворечивости. Но еще более важно то, что основные черты моделей конфликта, самореализации и согласованности, безотносительно представляющих их конкретных теорий, совсем непротиворечивы. Таким образом, эти три модели представляют собой серьезные описания ядра личности.

Но можем ли мы сделать что-нибудь еще, чтобы понять, какие модели или какие черты моделей наиболее полезны для понимания личности? Конечно, я только что сказал, что дальнейшее рассмотрение очень абстрактных вопросов, вызванное различиями в этих теориях, вряд ли может принести какую-либо пользу. Но мне кажется, что существуют более конкретные вопросы, которые можно сформулировать на основе различий между моделями, и эти вопросы стоит рассмотреть здесь подробнее. Вопросы, о которых я думаю, можно обсудить на основе эмпирического материала. Поэтому, рассмотрев эти вопросы, можно многое узнать. Как вы увидите, некоторые из них затрагивают только различия между двумя моделями, в то время как другие — сходство двух моделей и их отличие от третьей.

Первый вопрос:
надежно ли понятие защиты?

Как модель конфликта, так и самореализации использует понятие защиты, в то время как теории согласованности — это примеры концепций личности, которые обычно не считают данное понятие необходимым. Понятие защиты подвергается серьезной критике со стороны психологов, не занимающихся персонологией, и философов. С точки зрения этих ученых, данное понятие слишком неправдоподобно и нелогично. Поэтому этот первый вопрос важен для определения наиболее плодотворных направлений в построении теории личности человека.

В начале нашего обсуждения мы должны убедиться, что одинаково понимаем смысл понятия «защита». Согласно всем ученым, использующим это понятие, защита — это метод избегания тревоги, которая могла бы возникнуть, если бы мы осознали, что в нас присутствует какая-то мысль или поступок, которые могли бы привести к наказанию, чувству вины или ощущению собственной неполноценности. Основы для наказания, чувства вины и ощущений неполноценности, с точки зрения большинства оперирующих понятием защиты ученых, закладываются в конфликтных родительно-детских отношениях. Этот конфликт возникает или потому, что цели индивида и общества неизбежно противоречивы, или потому, что эти цели стали противоречивыми по вине общества. Защита вводится в действие практически в тот же момент, когда начинает нарастать тревога, поэтому в действительности переживания тревоги незначительны. Возникнув однажды, защита проявляет склонность сохраняться, поскольку лежащий в основе конфликт также сохраняется.

Эффективная защита помогает избежать тревоги, искажая или отменяя осознание основного конфликта. Это достигается с помощью блокировки осознания мыслей или действий, в результате которых у человека могли бы возникнуть трудности во взаимоотношениях с обществом или с его интериоризованным представителем — совестью. Такая блокировка осознания — активный процесс, а не просто отсутствие осведомленности в силу невнимания или привычки. На самом деле, человек не смог бы осознать эти мысли и действия, даже если бы он постарался или если бы его заставляли другие. Чтобы осознание стало возможным, необходимо сначала разрешить или, по крайней мере, принять основной конфликт.

Как вы видите, любая теория защиты — довольно сложная вещь. Она включает осмысление конфликта и неосознаваемого содержания психики. Дополнительную трудность создает тот факт, что использующие понятие защиты ученые обычно признают существование различных защитных процессов. Наименьшее количество защитных механизмов мы находим в теории Роджерса, который рассматривает только полное отрицание и в меньшей степени — искажение. Наибольшее количество защитных механизмов мы находим в психоаналитической теории, которая включает, например, такие механизмы, как подавление, проекция, отрицание, формирование реакции, рационализация, уничтожение содержания и сублимация. В психоаналитической теории каждый из этих защитных механизмов несколько по-разному воздействует на процесс жизнедеятельности, хотя у них одна цель — предотвращение тревоги путем удержания конфликтов в бессознательном.

Развитость и популярность понятия защиты объясняется фактическим материалом, собранным персонологами в ходе наблюдения за психопатологическими состояниями. В общем и целом эти наблюдения представляют полуэмпирические свидетельства в форме описания случаев провоцирования инсайтов. Если мы проанализируем их, это поможет нам решить вопрос, касающийся надежности понятия защиты. Многие из самых впечатляющих и убедительных свидетельств были собраны Фрейдом и его ранним соратником Брейером (Breuer and Freud, 1936) в ходе исследования страдающих истерией женщин. У этих женщин наблюдались весьма удивительные симптомы, характерные для людей, не имеющих каких-либо физических недостатков: паралич или нечувствительности ладоней, слепоты, непрекращающихся болей, неспособности говорить. У них не просто не выявлялись какие-то физические недостатки, с физиологической точки зрения их симптомы часто казались просто абсурдными. Например, неспособность ощущать что-либо ладонями — так называемая перчаточная анестезия — просто не могла бы развиваться на основе поражения нервной системы (Freud, 1893). Нервные окончания в ладонях сгруппированы таким образом, что гораздо вероятнее потерять чувствительность одной стороны ладони или другой, но не всей целиком. А поражение нервных путей в руке или плече привело бы к более обширным повреждениям, чем поражение только ладони. Кроме того, когда обе ладони лишаются чувствительности, это означает, что странное повреждение, произошедшее в одной руке или плече, должно было произойти и в другой. Совершенно невероятная картина! Можно было бы решить, что причина — в повреждении централь-

ной нервной системы, но опять же, у такого повреждения были бы более распространенные последствия, они не ограничились бы одними ладонями. В качестве еще одного примера физиологической абсурдности истерических симптомов было обнаружено, что паралич у этих людей не был связан с прогрессирующими нарушениями мышечного тонуса даже несмотря на то, что эти мышцы очевидным образом не использовались. Эти загадочные явления привели многих врачей того времени к выводу, что очевидное отсутствие физических повреждений обусловлено не просто их недостаточными диагностическими возможностями, а скорее, свидетельствует о нефизиологической основе этих симптомов.

В упорном стремлении узнать больше об этом расстройстве Фрейд и Брейер начали подвергать своих пациенток гипнозу в надежде преодолеть симптомы. Представьте себе изумление ученых, когда они обнаружили, что истерические симптомы пропадают в гипнотическом состоянии! Перчаточная анестезия, паралич, слепота — все это исчезало, чтобы вновь вернуться сразу же после выхода пациента из гипнотического состояния. Это было явным доказательством нефизиологической основы истерических симптомов. Для того чтобы больше узнать об этих страдающих истерией женщинах, Фрейд и Брейер стали задавать им вопросы и просить высказывать все, что приходило им на ум. Удалось четко установить два момента. Во-первых, выяснилось, что эти симптомы, несмотря на всю их причудливость, не особенно беспокоят больных. Можно было бы представить, что такие крайне выраженные симптомы при отсутствии объяснимой причины повергнут человека в тревогу. Вместо этого женщины демонстрировали то, что Шарко (Charcot)

назвал «прекрасным равнодушием истерика». Во-вторых было обнаружено, что эти женщины знали и понимали себя меньше, чем свободные от таких симптомов люди. Друзья пациентки часто могли больше рассказать о ее прошлом, чем она сама. Кроме того, пациентки проявляли мало любопытства и осведомленности в том, что происходило с ними и окружающим миром. Их разум был в удивительной степени не критичным. Но, когда их заставляли вспомнить некоторые события детства, совмещающая воздействие от высказывания всего, что приходит в голову, с интерпретацией их слов врачом, они часто испытывали сильную тревогу. По мере накопления таких сопоставлений тревога уменьшалась, то же происходило и с симптомами, а кроме того, им становилось все легче вспоминать события собственного прошлого.

Эти наблюдения привели Фрейда и Брейера к объяснению истерии, в котором особое внимание уделялось понятию защиты. С их точки зрения, совершенно очевидно, что истерия вызывается психологическими, а не физиологическими причинами. Непосредственная причина — в механизме защиты, вытеснении, в результате которого происходит блокирование действий и мыслей. Каких действий и мыслей? Естественно тех, которые могут спровоцировать тревогу. Что это может быть? Очевидно, это те мысли и действия, которые могли бы привести к наказанию со стороны общества или заставить человека чувствовать свою вину. Поэтому более глубокой причиной является конфликт, который, в силу своей способности вызвать тревогу, приводит к защите. Но поскольку действия и мысли, против которых направлена защита, важны для человека, они не могут уйти под ее воздействием в небытие. Они должны найти

какое-то проявление. Симптомы — это их искаженное проявление. Отсюда нужно было только совершить тройной прыжок к определению других защитных механизмов и конфликтов, лежащих в основе других психопатологических состояний. Так была введена в действие необычайно мощная модель защиты. Затем занимающиеся психопатологией персонологи разработали теорию защит более подробно, где-то ее упростили, но в основном оставили без изменений. Где бы мы ни встретились с этой теорией, она неизбежно включает конфликт, ведущий к тревоге, которая, в свою очередь, ведет к защите, принимающей форму отрицания осознания конфликта для того, чтобы избежать тревоги.

Наиболее настойчиво вопрос о надежности понятия защиты поднимается психологами, которым это понятие представляется абсурдным. Если существует активный процесс, посредством которого не допускается осознание конфликтов, тогда должна существовать какая-то часть личности, способная воспринимать реальность и решать, что позволять или не позволять узнавать остальной части личности. Такое представление о человеке внутри человека критикам понятия защиты представляется абсурдным. В последующем обсуждении мы рассмотрим некоторые подходы к частной критике попыток опытным путем показать действие защит. Вы должны понимать, что вся эта частная критика основывается на общей установке, что рассуждения о человеке внутри человека не могут приниматься всерьез. Уточним: критика представлений о человеке внутри человека относится не к факту существования в организме различных частей, а скорее, к приписыванию характеристик целого организма, таких, как разум и способность выбирать, его отдель-

ным частям. Так что часть организма, которая производит защиту, так же как и часть, на которую эта защита воздействует, рассматривается как нечто разумное, способное воспринимать и делать выбор. Это позволяет критикам понятия защиты говорить, что это понятие просто рассуждает об организме так, как если бы их было два. Но поскольку очевидно, что организм всего один, защита — это несостоятельное понятие, несмотря на то, что оно может быть весьма впечатляющим.

Так как организм только один, а понятие защиты необходимым образом предполагает рассмотрение одного организма в качестве двух, с точки зрения логических рассуждений это понятие совершенно ненадежно. Но здесь нужно задать вопрос: а нельзя ли перевести слишком образный язык сторонников теории защит в терминологию, менее явно описывающую человека внутри человека? Конечно же, Фрейд слишком много описывал, как суперэго *сражается* с ид, а эго *заступается* за одного из них или *обманывает* того или другого. Такие слова, как «сражается», «заступается», «обманывает», больше всего подходят для описания отношений между людьми, а если они используются для описания отношений между частями одного человека, это в лучшем случае — метафорично, а в худшем — алогично. Однако, может быть, возможно описать отношения между частями личности в терминах, которые схватывают важнейшую суть защиты, но избегают абсурдности. Если возможно, это будет заключаться в демонстрации метафорического характера относящихся к защитах утверждений с помощью замены их утверждениями, описывающими, как возникают препятствия на пути осознания. Причем сделать это нужно в терминах, совместимых с

известными возможностями единого организма.

Но прежде, чем осуществить такую попытку, необходимо сказать о существовании эмпирического материала, свидетельствующего о пользе понятия защиты. Конечно же, полуэмпирические эпизодические наблюдения, о которых я упомянул выше, могут частично служить тому подтверждением, но только частично, поскольку они не производились систематически. Я хочу сказать, что производившие наблюдения психотерапевты изучали только людей, которые пришли к ним в качестве пациентов, и по большому счету даже не потребовали, чтобы исследование защит проводилось на всех или, по крайней мере, на большом количестве пациентов. Известно, что психотерапевты склонны делать выводы на основе поразительных наблюдений всего лишь одного или двух пациентов. Эти выводы могут быть какими угодно впечатляющими, но они могут быть и неприменимы к людям в целом, хотя очень и применимы. Кроме того, заключения психотерапевтов часто в такой степени основаны на интерпретациях, что совершенно неочевидно, что с ними смогут согласиться непредубежденные эксперты-психологи. Основы для интерпретации иногда остаются несформулированными, что порождает вопросы о непротиворечивости и объективности их использования. Такое положение требует большого количества более точных систематических наблюдений, и только после этого можно прийти к выводу о существовании подтверждения того, что такой процесс, как защита, на самом деле действует.

К счастью, за последние 30 лет было проведено множество экспериментальных исследований, посвященных проблемам существования и действия защитных меха-

низмов. Здесь невозможно охватить их все, но я могу отослать вас к нескольким удачным обзорам (Eriksen, 1963; MacKinnon, 1962; Sears, 1944; Allport, 1955). Здесь мы обсудим некоторые из наиболее типичных и поучительных исследований. В большинстве случаев усилия исследователей были направлены на изучение вытеснения или отрицания — защиты, признаваемой во всех использующих это понятие теориях. Некоторое внимание также уделялось проекции и регрессии — механизмам защиты, более специфичным для психоаналитической теории.

Давайте прежде всего рассмотрим регрессию и проекцию, поскольку таких исследований мало и обсуждение может быть кратким. Первое исследование, посвященное регрессии, очень известно, но, хотя его часто упоминают, оно не слишком полезно. В своем эксперименте, с применением электрического тока Моурер (Mowrer, 1940) использовал небольшое количество крыс. Одна группа крыс могла методом проб и ошибок научиться прекращать удар электрическим током на решетчатом полу с помощью нажатия на ножную педаль. Другая группа подвергалась ударам примерно через одинаковые промежутки времени, но у нее не было педали, на которую можно было бы нажимать. Со временем крысы из этой второй группы научились избежать ударов, вставая на задние лапы. Когда они хорошо освоили стойку на задних лапах, была введена ножная педаль, и крысы могли начать учиться ею пользоваться. Начиная с этого момента крыс ввели в состояние новой фрустрации: прикасаясь к ножной педали, они получали удар током, так что, стараясь прекратить воздействие тока со стороны пола, они получали удар от того, что ранее было средством спасения. Кры-

сы, которые вначале научились избежать удара, вставая на задние лапы, почти сразу же отказались от этой привычки, в то время как остальные крысы продолжали нажимать на педаль.

Почему этот эксперимент не является хорошей демонстрацией регрессии? Главная проблема в том, что здесь не учитывается, что регрессия — это понятие, неразрывно связанное с более широкой теоретической структурой. С точки зрения психоаналитиков, под регрессией понимается переход с более поздней стадии психосексуального развития на более раннюю в более или менее общем смысле, причем этот переход обусловлен фиксацией и фрустрацией. Фиксация, по Фрейду, — это чересчур сильная соотнесенность с определенной стадией психосексуального развития, а фрустрация — это препятствие на пути удовлетворения инстинктов на любой стадии развития человека. Когда фрустрация становится сильной, может произойти отступление к предыдущей, фиксированной стадии психосексуального развития. Это и называется регрессией. Я думаю, можно предположить, что у крыс есть какое-то зачаточное психосексуальное развитие. По крайней мере, с опытом они начинают лучше исполнять свои супружеские обязанности. Но, даже если бы мы посчитали это признаком того, что крыса — существо, на котором может проверяться понятие регрессии, совершенно очевидно, что Моурер не совершил такой проверки, поскольку вставание на задние лапы или нажатие на педаль с целью избежать удара током не имеют ничего общего с психосексуальным развитием. Этот эксперимент не имеет никакого отношения к понятию регрессии, хотя, возможно, он и показал, что вновь приобретенный навык, утрачивая свою эффек-

тивность, может уступать место усвоенному ранее навыку. Ясно одно: если защиты изучаются на животных, эти животные должны хотя бы иметь какое-то психосексуальное развитие, а изучаемые формы конкретного поведения должны служить убедительным аналогом поведения человека, рассматриваемого в психоаналитической теории (ср., Hunt, 1964). Поскольку это условие, естественно, не может быть полностью выполнено при экспериментах на животных, такие исследования не особенно полезны для проверки надежности психоаналитических представлений о защите.

Возможно, вы думаете, что, если отделить понятие защиты от его психоаналитического происхождения, опыт Моурера мог бы служить подходящим свидетельством. Но понятие защиты, даже и без рассмотрения стадий психосексуального развития, подразумевает какой-то активный процесс предотвращения осознания с целью снижения тревоги. В регрессии такое предотвращение достигается возвращением на более раннюю стадию развития. Если крысы — подходящий объект изучения, они должны были обладать сознанием, ведь только в этом случае предотвращение осознания составит полезный механизм защиты. Наверное, многие психологи хотели бы предположить, что крысы или какие-то еще более высокоразвитые организмы обладают сознанием. Но даже если бы сознание, аналогичное тому, что можно наблюдать у людей посредством самоотчетов, и существовало у животных, факт его методологической непостижимости — труднопреодолимое препятствие. Сознание у животных, может быть, существует, а может, и нет, если оно существует, оно может порождать или не порождать правдоподобные аналоги человеческих конфликтов, вины и тревоги — все-

го того, что считается трамплином на пути возникновения защиты. Даже при более свободном понимании термина «регрессия» становится понятно, что результаты исследований животных настолько неопределенны, что их польза минимальна. То же самое можно сказать и об изучении других защит, поскольку для всех подобных экспериментов необходим организм, чье сознание доступно подробному исследованию.

Немного более убедительным выглядит другое исследование регрессии, произведенное Баркером, Дембо и Левиным (Barker, Dembo and Lewin, 1941). Оно также хорошо известно. В качестве объекта исследования они использовали 30 детей-дошкольников, позволив им раскрепоститься в свободной игровой ситуации. Интеллект у них был выше среднего. Каждому ребенку предлагалось играть в одиночку с несколькими игрушками на протяжении получаса. На следующий день ребенка приводили снова, но на этот раз вначале он играл с более привлекательными игрушками. Через 15 минут экспериментатор без всяких объяснений отводил ребенка в другой конец комнаты и разрешал играть с первоначальными, менее привлекательными игрушками в течение получаса. В течение этого получаса желанные игрушки находились в поле зрения ребенка, но все же были вне досягаемости. Баркер и коллеги предполагали, что, если регрессия существует, фрустрация, вызванная недоступностью желанных игрушек, приведет к тому, что ребенок будет играть с менее желанными игрушками более деструктивно, чем он делал это в первый день эксперимента. Исследователи постарались выработать возрастные нормы конструктивности игры, чтобы можно было в действительности рассматривать любое снижение конструктивности игры в каче-

стве признака обращения к более ранним стадиям детского развития. Их результаты ясно показывают, что прогнозируемая деструктивность имела место. Это исследование включает один важный элемент понятия защиты, а именно процесс примитивизации, становления в большей степени ребенком. Но это исследование не особенно соотносится с психоаналитическими представлениями о регрессии, поскольку оно было мало связано с проблемами психосексуального развития. Но, конечно же, эти результаты можно использовать для подтверждения надежности понятия защиты, освобожденного от оставшейся части психоаналитической теории. Единственная ложка дегтя в этой бочке меда, и эта проблема будет постоянно возникать в ходе нашего дальнейшего обсуждения, — то, что нельзя узнать, действительно ли продемонстрированная примитивизация происходила безсознательно, ведь именно это необходимо для подлинного проявления защиты. Этого недостатка можно было бы избежать, ведь испытуемые были людьми, а не крысами, поэтому их можно было расспросить.

Обратившись к исследованиям проекции, нужно соблюдать осторожность, чтобы не запутаться в многочисленных значениях этого слова, присутствующих в психологии. Одно общее значение заключается в том, что человек будет выражать свойства своей личности во внешних ситуациях, особенно если они носят неопределенный характер. Это утверждение, несомненно, правильно, но оно гораздо шире по своему значению, чем представление о проекции как о защитном механизме. Проекция как защитный механизм подразумевает приписывание другим характеристик, на самом деле свойственных Самому человеку, в результате он продолжает не знать, что эти свойства в нем при-

сутствуют, и поэтому не испытывает тревоги. Приверженность точному определению проекции позволит нам освободиться от множества исследований, которые не в полной мере заслуживают здесь нашего внимания. У нас нет лишнего времени.

Одно важное и интересное исследование было произведено Сирсом (Sears, 1936). Он предложил примерно сотне студентов оценить качества своего собственного характера и характеров других людей. Оцениваемыми качествами были скупость, неорганизованность и робость. Степень выраженности определенной черты, приписываемой испытуемым другим людям, сравнивалась с тем значением, которое приписывали ему другие. Значимых взаимозависимостей обнаружено не было. Но когда стали учитывать примерный уровень осознания, оказалось, что те люди, кто обладал показателем выраженности черты выше среднего, были склонны приписывать другим значения, превышающие средние показатели. В сущности, это означает, что проекция этих черт характера оказывается функцией недостаточного осознания. Это открытие не противоречит понятию проекции, которое включает не только приписывание своих собственных свойств другим, но также и предотвращение осознания наличия этих свойств в себе самом. Возможно, именно этот последний аспект проекции был схвачен Сирсом в проведенном измерении уровня осознания. Хотя исследование и не предоставляет информацию о том, были ли три задействованные черты действительно нежелательными для испытуемых, но вполне можно предположить, что так оно и было, поскольку эти черты являются в общем нежелательными. Кроме того, эти черты соотносятся с психоаналитическими представлениями, касающимися психосексуальных

стадий развития (как вы увидите в главе 6, скупость, упрямство и неорганизованность — это черты анального характера, в то время как робость — это оральная либо фаллическая черта). Это исследование трудно рассматривать как свидетельство в пользу проекции, потому что Сирс также обнаружил, что испытуемые с очень низко выраженной чертой приписывали низкую выраженность черты и другим, если уровень осознания был недостаточен. Но с теоретической точки зрения низкая выраженность нежелательного качества не должна приводить к проекции, поскольку здесь не возникает личностной базы для конфликта с суперэго и возникающих как следствие вины и тревоги. Это последнее открытие заставляет серьезно усомниться в том, что первое обнаруженное явление правомерно интерпретировать как проекцию. Конечно, можно было бы сказать, что для некоторых людей в связи с конкретными особенностями их раннего жизненного опыта отсутствие таких черт является потенциальным источником вины и что оба вида результатов были получены, поскольку такие люди встретились в той же выборке наряду с более обычными индивидами. Но исследование не подсказывает, как можно было бы проверить эту возможность, и во всяком случае, она выглядит достаточно надуманной.

В исследовании, где более точно учитывалось, чувствовали ли испытуемые вину на самом деле, Райт (Wright, 1940) обнаружил, что проекция возникала только тогда, когда он создавал условия, гарантирующие возникновение чувства вины. Пару игрушек — одна предпочитаемая, а другая нет — давали испытуемым, восьмилетним детям. Затем детей просили отдать одну из игрушек другу. Сразу после этого их спраши-

вали, какую игрушку, по их мнению, отдал бы друг. Детям из контрольной группы задавали этот же вопрос, не предлагая вначале самим отдать одну из игрушек. Количество случаев, когда друга считали щедрым (то есть предполагали, что он отдаст предпочитаемую игрушку), было гораздо меньше после конфликтной ситуации, в которой самого ребенка заставляли отдать игрушку, чем в контрольной группе. Это значит, что жадность проецируется, когда человек чувствует вину за собственные мысли, свидетельствующие о жадности. Хотя это исследование представляется, очевидно, совместимым с представлением о проекции как о защитном механизме, его слабость в том, что оно не демонстрирует, что приписывание жадности происходит совершенно без какой-либо осознаваемой взаимосвязи с собственными помыслами жадности. Если собственная жадность была подвергнута сознательной оценке, тогда приписывание жадности другу — это скорее обобщение, а не защита.

Оставшиеся из экспериментальных исследований, которые мы затронем, касаются понятия вытеснения. Этот защитный механизм включает процесс исключения из сознания любых образов ощущения, восприятия, мыслей или действий, которые вступили бы в конфликт с ценностями и принципами, насаждаемыми обществом. Прямое назначение этого механизма — избежание тревоги, которая сопровождала бы осознание этого конфликта. Значение понятия вытеснения в психоаналитической теории во многом сходно с тем, как оно понимается в других теориях защиты, за исключением того, что в психоаналитической теории участие личности в конфликте неизбежно можно связать с инстинктами жизни, смерти или сексуальным. Рассматривая эмпири-

ческие исследования вытеснения, мы попадаем в самую сердцевину вопроса о надежности понятия защиты, поскольку вытеснение признается всеми теориями защиты, а в психоанализе даже считается основным защитным механизмом. В действительности, Фрейд впервые использовал понятие вытеснения еще до того, как он вышел на понятие защиты и стал прежде всего подчеркивать последнее, только когда ему стало ясно, что для избежания осознания существуют другие, более изощренные способы, помимо вытеснения.

Удачно, что рассмотрение вытеснения столь близко подходит к сущности понятия защиты, поскольку вытеснению было посвящено довольно большое количество работ. На самом деле, такие исследования, названные «новым взглядом» на процессы восприятия, в изобилии появились и привлекли большой интерес в 50-е годы. Основной вопрос, касающийся надежности понятия защиты, вылился в форму особой научной дискуссии в течение этого замечательного периода развития персонологии. Конечно, вытеснение изучали и до 50-х годов, но эти работы больше затрагивали память или деятельность, а не восприятие, и поэтому были менее захватывающими, чем исследования в русле «нового взгляда». Давайте сначала рассмотрим более современные работы, а потом более старые.

Представление о том, что люди могут проявлять максимум защиты или быть особенно бдительными в процессе восприятия определенных вещей, что является функцией таких аспектов личности, как потребности и ценности, впервые было дано в серии из трех статей Брунера и Постмена (Bruner and Postman, 1947a; 1947b) и Постмена, Брунера и Мак-Гиннеса (Bruner, Postman and McGinnies, 1948). Во всех этих экспе-

риментах использовался тахистоскоп — прибор, позволяющий предъявлять зрительные стимулы на отмеряемые и очень короткие отрезки времени. Говоря в общем, при использовании тахистоскопа стимулы обычно предъявляются на время, слишком короткое для возможности опознавания, а затем длительность последующих предъявлений постепенно увеличивается. Испытуемый должен говорить, каков, по его мнению, стимул, после каждого предъявления. Важная информация здесь — продолжительность предъявления, при котором произошло правильное распознавание. Стимулы разного содержания, а также стимулы, предъявленные в разных условиях, могут характеризоваться различным периодом экспозиции, необходимым для их правильного распознавания. Осознание этого — основа для понимания представлений о перцептивной бдительности и защите. И действительно, существование группы стимулов, требующих более короткого или длительного времени экспозиции для правильного распознавания, чем обычные стимулы, привело этих исследователей к мысли о перцептивной бдительности и защите.

Исследование Брунера и Постмена показало, что стимулы, связанные с экспериментально вызванной тревогой, распознаются быстрее, чем стимулы, не связанные с тревогой. Развивая представление о перцептивной бдительности, ученые предположили, что особо важные для человека стимулы усиливаются в процессе восприятия и быстрее распознаются. Другие исследования были посвящены понятию перцептивной защиты. В первом из них (Bruner and Postman, 1947b) использовался метод словесных ассоциаций. Конечно же, испытуемые отличались по тому, насколько быстро они могли придумать ассоциацию на

предъявляемые экспериментатором слова. Затем эти слова вновь были представлены испытуемым, на этот раз с помощью тахистоскопа. Брунер и Постмен обнаружили, что для некоторых испытуемых слова, связанные с долгим поиском ассоциации — предположительно это свидетельствовало об эмоциональном беспокойстве, — требовали гораздо более длительной экспозиции на тахистоскопе, чем слова со средним или коротким временем, затраченным на поиск ассоциации. Они назвали это удлиненное время распознавания перцептивной защитой и приравнивали его к вытеснению, посредством которого затрудняется восприятие вызывающих тревогу стимулов или создаются препятствия для их осознания. Брунер и Постмен также обнаружили, что для других испытуемых слова с длительным периодом поиска ассоциации при предъявлении на тахистоскопе распознавались быстрее, что опять-таки свидетельствовало в пользу понятия перцептивной бдительности.

Работа Постмена, Брунера и Мак-Гиннеса дополняет две уже описанные выше в предположении о том, что ценности могут оказывать воздействие на восприятие, так же как и тревога, и лежащее в основе эмоциональное беспокойство. Они выбрали для предъявлений на тахистоскопе слова, представляющие шесть обширных областей ценностей, например религию, экономику, эстетику. Вначале определялось отношение испытуемого к этим ценностям в процессе стандартного психологического теста. Вполне понятно, что они обнаружили связь между интенсивностью приверженности испытуемого к каждому блоку ценностей и скоростью, с которой он распознавал предъявляемые на тахистоскопе слова, относящиеся к этим блокам. Например, ис-

пытуемые, сильно приверженные к абстрактным ценностям, быстрее распознавали слова из этой области и медленнее слова из ценностных областей, которым они были в наименьшей степени привержены. Для объяснения результатов вновь были использованы понятия перцептивной бдительности и защиты.

Хотя три эти исследования были в большей или меньшей степени связаны с понятием вытеснения, важность такого рода работ стала окончательно ясной только после проведения последующего эксперимента Мак-Гиннесом (1949). Он выбрал группу социально табуированных слов, таких, как «шлюха», «сука», «брюхо» и «Котекс», и группу нейтральных слов приемлемых для предъявления на тахистоскопе группе испытуемых — студентов колледжа. Вместе с тем, что испытуемые старались рассказать ему, что они видели на тахистоскопе, Мак-Гиннес также измерял их кожно-гальваническую реакцию. Эта реакция — по существу, показатель электрической проводимости кожи, причем она возрастает с усилением потоотделения, что обычно рассматривается как проявление эмоционального возбуждения или тревоги.

Мак-Гиннес получил поразительные результаты. Для правильного распознавания табуированных слов не просто требовалась более длительная экспозиция на тахистоскопе, помимо этого, при предъявлении табуированных слов на период, слишком короткий для возможности зрительного распознавания испытуемых, наблюдалось усиление потоотделения. При предъявлении нейтральных слов подобного усиления потоотделения не было до сознательного распознавания слова. Эти результаты подробно показаны в таблице 5.1, где уровень потоотделения представлен в первых двух

Таблица 5.1

**Сводная таблица сырых данных и значений статистических критериев
для всех испытуемых по кожно-гальванической реакции
и порогам распознавания нейтральных и критических слов-стимулов**

Испытуемый	Средние показания амперметра во время попыток, предшествовавших распознаванию		Средние значения порога распознавания	
	нейтральные слова	критические слова	нейтральные слова	критические слова
1	37,80	40,46	0,055	0,184
2	40,96	41,53	0,044	0,094
?	39,31	42,06	0,054	0,080
4	38,34	40,80	0,103	0,126
5	41,48	43,76	0,040	0,064
6	41,41	47,08	0,070	0,130
7	40,75	39,94	0,057	0,104
8	39,98	42,85	0,063	0,076
9	39,44	42,68	0,059	0,130
10	40,02	42,71	0,049	0,223
11	39,88	41,55	0,046	0,077
1?	41,27	44,02	0,057	0,091
'	40,56	41,37	0,033	0,037
14	40,19	41,42	0,034	0,054
	40,85	40,63	0,046	0,056
16	40,83	41,84	0,036	0,046
	Среднее различие = 1,98		Среднее различие = 0,045	

Сост. по: Мак-Гиннес Е. Эмоциональность и перцептивная защита // Психологическое обозрение, 1949.

столбцах, а время распознавания — в двух последних. Посчитали, что большее время распознавания табуированных слов — это проявление перцептивной защиты, а усиленное потоотделение, сопровождающее попытки прочесть слово еще до его распознавания, — это не только проявление активного характера процесса защиты, но и бессознательное проявление тревоги, вызы-

ваемое этими словами. Хотя результаты этого исследования могут показаться весьма необычными, именно такого действия можно ожидать от защитных механизмов вытеснения или отрицания. Если какие-то вещи не должны попадать в сознание, можно предположить, что существует часть организма, способная их обнаружить и исключить. Открытия, связанные с усилением потоотделе-

ния, позволяют говорить о том, что организм как-то реагирует на табуированные слова и что эта зарождающаяся эмоциональная реакция — часть процесса исключения из осознания. Выбор Мак-Гиннесом табуированных слов также представляется оправданным, поскольку они отражают психосексуальные проблемы, о которых благополучные люди не должны говорить или думать.

Чтобы мы преждевременно не решили, что это четкое эмпирическое свидетельство в пользу существования защитного механизма вытеснения, нужно понимать, что как только результаты Мак-Гиннеса появились, они были со всех сторон подвергнуты критике. Прежде всего критика отражала распространенное неверие в надежность понятия защиты, поскольку, как представлялось, оно требовало признания существования человека внутри человека. Хаус и Соломон (Howes and Solomon, 1950) квалифицированно и аргументированно высказали такого рода критику. Прежде всего они заявили, что испытуемые вполне сознательно могли знать содержание табуированных слов в течение нескольких попыток до того, как начинали чувствовать уверенность в своем знании достаточную, чтобы произнести это вслух. В конце концов если бы вы были на их месте и увидели что-то, напоминающее какое-то неприличное слово, вы бы не рискнули сказать это взрослому и авторитетному человеку — экспериментатору до тех пор, пока вы абсолютно точно не удостоверились бы, что правы. Но, возможно, потеть вы начали, как только впервые подумали, что увидели именно это слово. Как вы понимаете, это заслуживающее внимания замечание. Если оно справедливо, то более продолжительное экспонирование табуированных слов на тахистоскопе

обозначает всего лишь то, что люди решали, какие из своих мыслей и ощущений можно озвучить, чтобы избежать ненужного смущения. Здесь нет ничего, похожего на защиту, в смысле бессознательно протекающего процесса активного препятствования осознанию определенных вещей.

Следующее возражение, высказанное Хаусом и Соломоном, касалось того факта, что частота встречаемости слов в прошлом опыте испытуемого и степень их известности сильно отличалась для нейтральных и табуированных слов, подобранных Мак-Гиннесом. Обратившись к перечню частоты встречаемости основных слов в письменной речи, составленному Торндайком и Лорджем (Thorndike and Lorge, 1944), Хаус и Соломон обнаружили, что табуированные слова из эксперимента Мак-Гиннеса встречаются гораздо реже нейтральных. На основании этого они стали утверждать, что различные по длительности периоды распознавания зависели от того, как испытуемый воспринимал эти слова в прошлом, и не имеют ничего общего с действием защит. Это достаточно общее замечание, его можно отнести и к трем экспериментам, описанным выше. В дальнейшем Хаус и Соломон (Solomon and Howes, 1951; Howes and Solomon, 1951) с еще большей уверенностью показали в своих экспериментах, что длительность предъявления слов на тахистоскопе, необходимая для их распознавания, может быть спрогнозирована по таблицам частоты встречаемости слов Торндайка и Лорджа.

Хотя критика, основанная на частоте встречаемости, является довольно убедительной и частично подтверждена экспериментальными данными, в действительности она не настолько конструктивна, как это может показаться на первый взгляд.

Ведь если вы пытаетесь установить частоту, с которой человек сталкивался с каким-то словом раньше, вы должны учитывать не только случаи, когда это слово появляется из внешнего источника, например из книг, речей, высказываний других людей, но также и те случаи, когда человек встречается с этим словом в своем собственном воображении и мыслях. Когда вы осознаете это, очаровательная простота приведенного выше объяснения Хауса и Соломона во многом теряется. Их объяснение, основанное на частоте встречаемости, становится не только неизмеримо сложнее, ставится под вопрос сама его проверяемость. Что, спрашивается, может быть приемлемой мерой частоты встречаемости слова в прошлом опыте? Естественно, здесь нельзя использовать списки Торндайка—Лорджа, поскольку они отражают употребляемость слов в формальных публичных условиях — это тот язык, который мы встречаем в журналах и газетах. Особенно если мы хотим узнать частоту встречаемости табуированных слов, совершенно невозможно доверять спискам слов Торндайка—Лорджа. Такие списки, естественно, недооценивают частоту встречаемости этих слов, особенно если учитывать собственные мысли и фантазии человека наряду с вербальным взаимодействием с другими людьми, носящим неофициальный и личный характер. Рассматривая проблему частоты встречаемости слов под таким углом, невольно начинаешь задаваться вопросом: а что же на самом деле могут значить выявленные Соломоном и Хаусом (1951) взаимосвязи между частотой встречаемости слов по Торндайку—Лорджу и временем распознавания слов на тахистоскопе?

К счастью, другие психологи, например Эриксен (Eriksen, 1963), тщательно иссле-

довав данные этих двух экспериментов, разрешили поднятый мною вопрос. Оказывается, что «практически все эти взаимосвязи можно отнести к различиям между словами, имеющими нулевую или очень низкую встречаемость по данным Торндайка—Лорджа, и словами, характеризующимися высокой встречаемостью» (Eriksen, 1963, с. 40). Для слов с диапазоном встречаемости от 10 до 3000 случаев на 1 млн в описанных выше вычислениях практически не было обнаружено взаимосвязи между частотой употребления и длительностью периода распознавания при предъявлении на тахистоскопе! Эта полезная информация означает, что критика Хауса и Соломона может считаться убедительной, только если речь идет о словах с очень высокой или низкой встречаемостью в условиях официального, публичного использования. Более точный вариант этих критических замечаний вряд ли способен свести на нет открытия Брунера и Постмена (1947a, 1947b), Постмена, Брунера и Мак-Гиннеса (1948) и Мак-Гиннеса (1949). Анализируя результаты Соломона и Хауса (1951), Хауса и Соломона (1951), Эриксен (1963) заключает, что «можно отметить, что эмпирические взаимосвязи между частотой встречаемости в прошлом и порогами распознавания были продемонстрированы, хотя важность этих взаимосвязей была, несомненно, сильно преувеличена».

Теперь мы можем возвратиться к другому замечанию, высказанному Хаусом и Соломоном. Напомним: оно заключалось в том, что относительно более длительные периоды экспозиции табуированных слов просто отражают сознательное решение испытуемых не рисковать, чтобы не попасть в затруднительное положение, высказав слово, которое, с их точки зрения, они могли не

точно понять. Эта критика звучит вполне разумно, если она нацелена на эксперимент Мак-Гиннеса, но в гораздо меньшей степени может быть отнесена на счет других исследований, поскольку в них использовались не табуированные слова, а слова, способные спровоцировать тревогу или имеющие отношение к ценностям. Испытуемые не должны были смущаться произносить такие слова, даже если они и оказывались неправильно понятыми. Тем не менее именно эксперимент Мак-Гиннеса лучше всего демонстрирует защитный механизм вытеснения и обычно используется в теориях защиты.

Хотя трудно найти какой-то достойный логический контраргумент в ответ на критику Соломона и Хауса, существует одно эмпирическое исследование, посвященное вытеснению, которое от этой критики ускользает. В этом исследовании Мак-Клири и Лазарус (McCleary and Lazarus, 1949) использовали вместо слов бессмысленные слоги. Половина бессмысленных слогов сопровождалась неприятным, порождающим тревогу воздействием, для этого, наряду с односекундным предъявлением слога, испытуемый получал удар электрическим током. Через определенное количество повторений таких предъявлений эти слоги порождали реакцию повышенного потоотделения, что измерялось кожно-гальванической реакцией. Этот эффект возникал каждый раз, когда предъявлялся слог, связанный с ударом электрическим током. После достижения этого условия все слоги, в том числе и та половина, что не сопровождалась электрическими ударами, предъявлялись на тахистоскопе с различными периодами экспозиции, от очень коротких до тех, что в среднем нужны большинству людей для точного восприятия. Как и в

эксперименте Мак-Гиннеса, при каждой экспозиции тахистоскопа регистрировалась кожно-гальваническая реакция наряду со словами испытуемого о том, что он видел. В этой части эксперимента удары электрическим током уже не использовались. Как вы видите, этот эксперимент по своему характеру очень напоминает работу Мак-Гиннеса, за исключением того, что вместо табуированных слов здесь использовались бессмысленные слоги, несколько из которых стали источниками тревоги в результате сопровождения их предъявлений ударами электрического тока в первой серии эксперимента. Поэтому нельзя достоверно утверждать ни то, что сопровождаемые ударом слоги, в отличие от несопровождаемых, чаще встречались в прошлом опыте испытуемого, ни то, что они социально неприемлемы и поэтому могли стать источниками смущения. Исследованию Лазаруса и Мак-Клири удалось успешно избежать сделанных Соломоном и Хаусом критических замечаний.

Эти результаты должны представлять для нас особый интерес в свете анализа проблемы эмпирической надежности понятия защиты. Давайте сначала рассмотрим попытки, когда испытуемые давали неправильные речевые ответы. В ходе этих попыток было обнаружено, что потоотделение выше для тех слогов, которые раньше сопровождалась ударами током, чем для слогов, которые не сопровождалась такими ударами. Мак-Клири и Лазарус (1949) приходят к выводу, что «при скорости тахистоскопа, слишком высокой для сознательного распознавания... испытуемый все же способен отвечать реакцией распознавания». Они предложили термин *субцепция* для обозначения очевидно самостоятельной, возможно подкорковой формы вос-

приятия. Совершенно ясно, что эти результаты поддерживают теорию защиты в той ее части, где речь идет о тонкой чувствительности какой-то части организма к потенциально пугающим образам восприятия, так чтобы от них можно было бы защититься. Но этот эксперимент не показывает, что слоги, ранее сопровождавшиеся ударами тока, требовали для своего точного распознавания более длительной экспозиции на тахистоскопе, чем не сопровождавшиеся ударами тока слоги. В действительности был получен противоположный результат, более согласующийся с представлением о перцептивной бдительности, чем о перцептивной защите! В общем и целом это исследование можно считать лишь частичным подтверждением существования вытеснения как одного из аспектов защиты. Может быть, это связано с тем, что было потеряно в ходе разработки программы эксперимента, способного обойти критические замечания Соломона и Хауса. Хотя слоги, сопровождающиеся ударом тока, — это, несомненно, неприятные стимулы, совершенно неочевидно, что они как-то сильно связаны с теми интенсивными основными конфликтами, которые, с точки зрения всех сторонников теории защиты, и должны приводить в действие защитные механизмы. Исследование Мак-Клири и Лазаруса — это, как и большинство лабораторных экспериментов, лишь бледное подобие жизни, и как только мы это понимаем, становится даже удивительно, что субцепцию как защиту вообще оказалось возможным продемонстрировать.

Другой пример попытки обойти критику Соломона и Хауса (1954) — работа Коуэна и Байера (Cowen and Beier, 1954). Они решили использовать в качестве стимулов табуированные и нейтральные слова,

что повышает вероятность вовлечения глубоко лежащих конфликтов по сравнению с возможностями, предоставляемыми методом Лазаруса и Мак-Клири. Вместо предъявления слов на тахистоскопе эти ученые достигли похожего эффекта, используя расплывчатые машинописные надписи, сброшюрованные в буклеты. Брошюровка была сделана так, что страницы шли от очень размытого начертания слова к очень ясному. Важную информацию предоставляли страницы, которые испытуемым приходилось переворачивать, пока им не удавалось правильно определить слово.

Чтобы избежать критики, связанной со степенью известности слов, Коуэн и Байер подсчитали коэффициент корреляции между количеством перевернутых до правильного определения слова страниц и частотой использования слова из списка Торндайка и Лорджа. Они обнаружили, что коэффициент корреляции для использованных ими слов равен нулю. Чтобы избежать критики, связанной с тем, что испытуемый может испытывать смущение при произнесении табуированных слов, исследователи варьировали пол экспериментатора, в результате половина испытуемых общала слова экспериментатору того же пола, а другая половина — экспериментатору противоположного пола. Кроме того, все экспериментаторы читали испытуемым весь список используемых слов, включая табуированные, до начала эксперимента. Коуэн и Байер утверждали, что сочетание этих двух процедур должно снизить влияние фактора смущения до той точки, когда его уже нельзя использовать для объяснения результатов. Кроме того, они также показали, что в одно- и разнополых парах экспериментатор—испытуемый они не получили значимых различий в результатах.

Главный результат этого исследования заключался в том, что табуированные слова действительно требовали для своего правильного распознавания большего числа перевернутых страниц, чем слова нейтральные. Эти результаты подтверждают открытия Мак-Гиннеса, причем эксперимент был построен таким образом, чтобы избежать критику Соломона и Хауса. Рассматривая эти результаты наряду с данными Лазаруса и Мак-Клири, чье исследование также обходит критику, можно заключить, что эмпирические подтверждения существования защитного механизма вытеснения выглядят достаточно убедительными. Об исследовании Коуэна и Байера все еще можно сказать, что фактор смущения мог там играть определенную роль, хотя экспериментатор и предупредил испытуемых о том, какого рода слова он будет использовать, но это гораздо в большей степени можно считать мелкими придирками, чем когда речь шла об исследовании Мак-Гиннеса.

Придя к выводу, что есть, по крайней мере, какие-то эмпирические свидетельства в пользу понятия вытеснения как защиты, мы должны теперь обратиться к неприятной проблеме, созданной открытиями, которые говорят о существовании феномена перцептивной бдительности. Мы уже упомянули вскользь о том, что некоторые испытуемые, как кажется, особенно чувствительны и к словам, относящимся к их доминирующим ценностям, и к словам и бессмысленным слогам, которые способны спровоцировать тревогу. Для нас важно решить, какое значение приписать перцептивной бдительности, поскольку она, как представляется, существует, к счастью или к несчастью, наряду с перцептивной защитой. Но перед дальнейшим обсуждением этой проблемы позвольте мне рассказать об имею-

щих к этому отношение исследованиях, которые необходимо принять во внимание.

Исследования, которые я имею в виду, касаются воздействия вытеснения скорее на память, чем на восприятие. На самом деле, исследователи стали интересоваться воздействием вытеснения на память раньше, чем проблемами его воздействия на восприятие. Розенцвейгу и Мейсону (Rosenzweig and Mason, 1934) принадлежит первое исследование, которое можно четко отнести к данному направлению. В качестве испытуемых они использовали 40 детей, каждому ребенку предлагалось собрать несколько мозаик, и тому, кто лучше всех справится с заданием, обещали дать приз. Экспериментаторы подготовили все заранее таким образом, что каждому ребенку позволялось закончить половину данных ему заданий, но когда он работал над другой половиной, его прерывали. Причем прерывали так, что дети думали, что им не удастся справиться с этими заданиями. После 45 минут работы с головоломками, за которыми следовал перерыв в одну минуту, каждого испытуемого просили назвать те картинки, над которыми он помнит, что работал. Из 40 детей 16 помнили больше завершенных, чем «проваленных» заданий, 13 вспомнили меньше завершенных, чем «проваленных» заданий, 9 вспомнили равное количество и тех и других, а 2 не вспомнили ничего. В лучшем случае только 16 из 40 испытуемых демонстрировали нечто, напоминающее теорию вытеснения. 13 испытуемых оказались особенно чувствительными к своим неудачам, которые должны порождать тревогу. В этих двух группах мы наблюдаем феномены, аналогичные перцептивной защите и перцептивной бдительности. Нельзя считать, что испытуемые, способные особенно хорошо помнить свои не-

удачи, более точны в восприятии, чем те, кто смогли вспомнить только свои достижения. Психическая деятельность наиболее точно соответствовала реальности больше у тех 9 испытуемых, которые смогли вспомнить равное количество завершенных и неудачно выполненных заданий. То же самое справедливо для испытуемых, демонстрировавших перцептивную защиту и бдительность, хотя эти данные не такие четкие, как у Розенцвейга и Мейсона. Когда человеку для распознавания определенной группы стимулов требуется большее количество подкреплений, он характеризуется избирательной нечувствительностью и, следовательно, неточным восприятием реальности. Когда человеку для распознавания определенной группы стимулов требуется меньшее количество предъявлений, он характеризуется избирательной чувствительностью, а это тоже форма неточного восприятия реальности. Только те люди, кто не демонстрирует ни бдительности, ни защит, обладают перцептивными процессами, точно соответствующими реальности. Хотя, несомненно, такие люди принимали участие в исследованиях восприятия, описанных раньше, они не были выделены для отдельного анализа, как это сделали Розенцвейг и Мэйсон.

Решив, что число проявляющих вытеснение испытуемых может быть повышено по сравнению с исследованием Розенцвейга и Мейсона, если усилить чувство гордости за достижение, Розенцвейг (1933, 1943) разработал другой эксперимент. Он предложил одинаковые картинки-мозаики двум группам взрослых испытуемых, в первой сказав, что это «тест на интеллект», а во второй группе в неформальной манере сделав акцент на самом тесте, а не на результатах его выполнения. Считалось, что в

первой группе должно повыситься чувство гордости, в то время как у испытуемых второй группы не создавалось никакой угрозы их самоуважению. Затем, как и в его первоначальном эксперименте, каждый испытуемый выполнил половину заданий и «потерпел неудачу» со второй половиной. В условиях, повышающих чувство гордости, 17 испытуемых запомнили больше законченных заданий, 8 — незаконченных, а 5 человек запомнили равное их количество. В менее стрессогенных условиях только 7 испытуемых запомнили больше законченных заданий, в то время как 19 запомнили больше незаконченных заданий, а у 4 не наблюдалось разницы между двумя видами заданий. Эти результаты четко показывают, что чем больше угроза самоуважению, тем сильнее выражена тенденция к вытеснению. Но все еще можно сказать, что некоторые испытуемые демонстрировали особую чувствительность к своим неудачам, а некоторые не демонстрировали ни чувствительности, ни нечувствительности. Я должен отметить, что эти исследования часто критиковали за использованные методы прерывания выполнения задания (см., например, Sears, 1950), поскольку хорошо известно, что этот метод приводит к преобладающей склонности вспоминать прерванные, а не выполненные задания (см. Zeigarnik, 1927), если только не создается специальной угрозы самоуважению и прерывание не интерпретируется экспериментатором в качестве неудачи. В подобного рода критике утверждается, что бессмысленно пытаться продемонстрировать вытеснение, то есть противоположность воспоминанию, используя такой метод. С моей точки зрения, это не очень разумная критика. Особая чувствительность к незавершенным заданиям так и не нашла удовлетворитель-

ного объяснения, и она остается интереснейшим феноменом, поскольку предполагает наличие защит в своей неточной передаче реальности и является аналогом феномена перцептивной бдительности.

Я опишу еще одно исследование, посвященное воздействию вытеснения на память. В этом исследовании Мак-Киннон (MacKinnon, 1933) пытался вызвать чувство вины у своих испытуемых, полагая, что это инициирует защитные реакции. Каждого из 93 испытуемых оставляли поодиночке работать над серией заданий настолько трудных, что решить их не могли практически все люди. За испытуемыми велось скрытое наблюдение посредством пропускающего изображение только в одну сторону экрана. В распоряжении испытуемого имелись решения всех задач в специальном буклете. Им сказали, что нельзя смотреть в ответы во время работы над заданиями. Мак-Киннон полагал, что вытеснение может возникнуть только у испытуемых, которые нарушили запрет (их число составило 43 /о от выборки), и только в том случае, если они чувствовали вину за свой поступок.

Затем испытуемых просили вспомнить задачи, над которыми они работали. Нарушители (у большинства из них не наблюдалось признаков вины) чаще всего вспоминали решения, которые они видели при нарушении запрета, а наименее часто — задачи, решения которых они вообще не видели. В небольшой нетипичной группе испытуемых, которые нарушили запрет и проявляли признаки вины в поведении и речи, была выявлена склонность меньше вспоминать задачи с подсмотренным решением, чем остальные задания. Эти результаты особенно интересны, поскольку они говорят о том, что можно ожидать появление

защитной реакции, только когда какой-то конфликт действительно создается для личности. Я вернусь к этому и сходным следствиям при обсуждении следующего вопроса. А сейчас перейдем к последней группе исследований, посвященных проблеме вытеснения и защит в общем.

Как это часто бывает, в науке должно состояться несколько «разведывательных» работ, чтобы стали понятны методологические и содержательные проблемы разрабатываемой области. Вслед за этими первыми работами появляются более квалифицированные и убедительные исследования. Исследования защит здесь не исключение. То, что исследования защит становятся более зрелыми, ясно видно по работе такого психоаналитика, как Эриксен, который соединил акцент на восприятии и памяти в контексте более разработанного варианта теории защиты, чем тот, что применялся исследователями раньше. Эриксен (1963, с. 42—43) указывает на то, «что клиническое понятие вытеснения — это нечто более сложное, чем просто предположение, что все люди или даже большинство людей автоматически вытесняют все сексуальные или агрессивные представления или что все вызывающие тревогу мысли или чувства подавляются. Вместо этого вытеснение — это защитный механизм, который иногда используют некоторые люди, чтобы справиться с вызывающими тревогу мыслями или чувствами, чья способность порождать тревогу связана с индивидуальным прошлым опытом данного человека. Поэтому мы не можем ожидать найти большое сходство между людьми в том, что касается характера ведущих к вытеснению стимулов. Более того, теории динамики личности также признают существование и других защитных механизмов. Вытеснение — это

не единственный способ, которым люди защищаются от угрожающих эго воздействий.

Рационализация, образование реакции и проекция — это те защитные механизмы, которые, скорее, могут привести к повышению чувствительности по отношению к стимулам, связанным с конфликтом. Если взять, например, образование реакции, то демонстрирующий эту защиту человек будет особенно тщательно искать и уничтожать зло, наличие которого он отрицает в себе самом. И в случае проекции считается, что люди, проявляющие этот защитный механизм, очень чувствительны к существованию отвергаемых в себе самих побуждений в других людях. Рационализация часто приводит к значительным предрассудкам, связанным с содержанием отвергаемого побуждения.

Можно ожидать, что эти различия в защитных механизмах будут сопровождаться различиями в протекании перцептивных процессов. В случае вытеснения или отрицания можно предполагать, что испытуемый будет проявлять склонность к избежанию или большей длительности порогов по отношению к стимулам, связанным с источниками конфликтов. С другой стороны, для тех, кто проявляют защитные механизмы рационализации, формирования реакции или проекции, скорее всего будут характерны более низкие пороги для связанных с тревогой стимулов».

В этой цитате содержатся два важных момента. Первый заключается в том, что перцептивная бдительность может отражать повышающие чувствительность защиты, такие, как формирование реакции и рационализацию, в то время как перцептивная защита отражает понижающие чувствительность защиты, такие, как вытеснение и отрицание. Кроме того, я бы предположил, что сен-

сибилизирующее и десенсибилизирующее воздействие на память в форме сохранения воспоминаний о неудачно выполненных и завершенных заданиях также отражает эти два вида защитных процессов. Второй важный момент, подчеркнутый Эриксоном, состоит в том, что исследование проблемы воздействия защиты на восприятие должно включать независимую информацию о том, какие виды защит данный испытуемый вообще склонен использовать, чтобы возможно было точно спрогнозировать, какие именно воздействия на восприятие вы должны обнаружить. Мне кажется, что это условие также должно выполняться и при исследовании воздействия защит на память и другие познавательные процессы.

Эриксен провел несколько исследований, руководствуясь этими критериями. В первом из них он (Eriksen, 1951a) использовал госпитализированных психически больных пациентов, которые были отобраны на основании существования конфликта в особых, конкретных областях потребностей, кроме того, от них можно было ожидать проявления десенсибилизирующих защитных механизмов. Выраженность эмоциональных нарушений в трех потребностных областях (агрессии, гомосексуальности и поддержки) оценивалась при помощи модифицированной методики словесных ассоциаций. Показатели эмоциональных нарушений, набранные по этому тесту, затем были соотнесены с временем распознавания испытуемым предъявляемых на тахистоскопе картинок, часть из которых была связана с этими тремя потребностными сферами, а часть — нет. Было обнаружено, что испытуемым со значительными нарушениями в сфере какой-то потребности, что выявлялось в ассоциативном эксперименте, требовалось больше времени для распознавания картинок,

связанных с этой потребностью, чем для распознавания нейтральных картинок. Коэффициенты корреляции, описывающие этот эффект, представлены в первых трех рядах последних трех столбцов таблицы 5.2. В другом, похожем, исследовании Эриксен (1951b) обнаружил, что эмоциональные стимулы необязательно приводят к длительным периодам распознавания на тахистоскопе. Было обнаружено, что испытуемым, которые проявляли значительное открытое агрессивное поведение и выражали агрессивное содержание при составлении рассказов по картинкам, требовалось меньше времени для распознавания предъявляемых на тахистоскопе картинок с агрессивным содержанием.

В своей работе Лазарус, Эриксен и Фонда (1951) уточнили значение тенденций, противоположных тем, что были выявлены в двух только что описанных исследованиях. В качестве испытуемых здесь

выступили амбулаторные психиатрические больные. На основании терапевтического интервью и других методов клинического исследования они были распределены на группы «сенситизаторов» и «репрессоров» в зависимости от того, применяли ли они в ответ на тревогу в качестве защитного механизма рационализацию, или демонстрировали склонность избежать или отрицать мысли и представления, связанные с конфликтами. Представленные в таблице 5.3 результаты показывают, что сенситизаторы были склонны свободно давать агрессивные или сексуально окрашенные ответы в тесте незаконченных предложений, в то время как репрессоры проявили склонность блокировать или, искажая, переводить в безобидную форму основы незаконченных предложений, которые обычно подразумевают агрессивное или сексуальное содержание. Далее, когда результаты выполнения теста незаконченных предложений

Таблица 5.2

Коэффициенты корреляции показателей ассоциативного эксперимента и перцептивного распознавания для трех потребностных областей*

Показатель	Потреб- ность	Ассоциативный эксперимент		Перцептивное распознавание		
		Подд.	Гомо.	Агр.	Подд.	Гомо.
Ассоциативный эксперимент	Агр.	0,632	0,582	0,417	0,435	0,216
	Подд.		0,282	0,281	0,611	0,180
	Гомо.		- 0,101	0,264	0,314	
Перцептивное распознавание	Агр.				0,352	0,180
	Подд.					0,060

* В качестве меры взаимосвязи выступает *эта*. Оцененная посредством F-критерия, *эта*, равная 0,415, значима на уровне 0,95.

Сост. по: Эриксен С. В. Перцептивная защита как функция отторгаемых потребностей// J. Abnorm. Soc. Psychol., 1952.

Таблица 5.3

**Сравнение показателей рационализаторов и репрессоров
в перцептивном распознавании и тесте незаконченных предложений**

Стимулы	Репрессоры (N=12)		Рационализаторы (N=13)		
	Среднее	Стандартные отклонения	Среднее	Стандартные отклонения	t
<i>Слуховое перцептивное распознавание</i>					
Секс*	- 0,25	1,18	+ 1,60	1,48	3,32
Враждебность*	- 1,10	1,32	+ 0,30	1,25	2,67
Нейтральные стимулы*	5,27	1,59	6,17	1,59	1,36
<i>Тест незаконченных предложений</i>					
Секс	6,20	1,39	9,10	4,52	2,02
Враждебность	5,50	1,70	8,00	4,31	1,77

* Для критерия распределений с одним конечным участком значения $t = 1,71$ и $2,50$ значимы на $0,05$ и $0,02$ уровнях соответственно. Используются взвешенные показатели восприятия (т. е. из баллов, относящихся к критическим стимулам — сексу и враждебности, — соответственно вычитались показатели по нейтральным стимулам; если правильно было воспринято меньше критических стимулов, чем нейтральных, показатель принимает отрицательные значения).

Сост. по: Лазарус Р. С., Эриксен С. В., Фонда С. П. Динамика личности в слуховом перцептивном восприятии//]. Perg., 1951.

сравнили с показателями слухового восприятия враждебных и сексуальных предложений на шумовом фоне, сенсibilизаторы продемонстрировали более высокие результаты в распознавании эмоционального содержания.

Эриксен (1952) также провел исследование воздействия вытеснения на восприятие и память. Студенты-первокурсники выполняли ряд заданий, половину из которых им было разрешено завершить, а выполнение половины прерывали так, как это было сделано в работе Розенцвейга. Задания были устроены как измерение интеллекта, а их прерывание толковалось как неудача.

Как мы можем ожидать на основании работы Розенцвейга, испытуемые продемонстрировали большие различия в преобладании воспоминаний о законченных или прерванных заданиях. Затем этих испытуемых протестировали с помощью метода словесных ассоциаций, а потом с помощью тахистоскопа определили длительность экспозиции, необходимой для правильного распознавания слов, для подбора ассоциаций к которым требовалось длительное, среднее или короткое время. Как показано в таблице 5.4, испытуемые, которые при исследовании памяти вспоминали успешно завершенные задания, демонстрировали более

Таблица 5.4

Коэффициенты корреляции между временем поиска ассоциаций и порогом распознавания для групп, вспоминающих успех и неудачи, где пороги распознавания были скорректированы для общегруппового выполнения

Испытуемые	Помнящие		Испытуемые	Помнящие неудачу	
	г	z		г	z
A	0,49	0,54	A	0,02	0,02
B	0,46	0,50	B	0,11	0,11
C	0,24	0,25	C	0,05	0,05
D	0,29	0,30	D	0,21	0,21
E	0,43	0,46	E	0,04	0,04
F	0,30	0,31	F	0,00	0,00
G	0,29	0,30	G	-0,13	-0,13

Среднее значение z 0,38

0,04

Дисперсия 0,012 $t = 5,73$ $p < 0,001$

Сост. по: Эриксен С. В. Защита от угрозы эго в памяти и восприятии//.). Abnorm. Soc. Psychol., 1952.

длительные периоды распознавания на тахистоскопе слов с длительным периодом подбора ассоциаций, в то время как испытуемые, которые при исследовании памяти вспоминали свои неудачи, не продемонстрировали значимых взаимосвязей между временем распознавания и длительностью периода подбора ассоциаций. Когда вы имеете дело со столь тщательно разработанным исследованием, в котором затрагиваются проблемы связанного воздействия процесса защиты на несколько когнитивных функций и которое рассматривает несколько видов защитных процессов, та критика, которая выглядела столь весомой на уровне исследований восприятия Постмана, Брунера и Мак-Гиннеса, здесь практически теряет свою значимость. Сейчас произ-

ведено уже огромное количество подобных исследований, но я не буду описывать их.

Мы рассмотрим, однако, еще одно исследование, потому что это пример того постепенного расширения, углубления и обогащения, которое происходит в области изучения защит. В этой и последующих работах Эриксену и его коллегам (Eriksen, 1954; Eriksen and Brown, 1956; Eriksen and Davids, 1955) удалось установить наличие взаимосвязей между различиями в повышении чувствительности и вытеснением и различиями истерических и психоастенических тенденциях, выявляемых по тесту MMPI. В современных психоаналитических концепциях неврозов механизм вытеснения в основном связывается с истерией, в то время как рационализация считается

характерной для невроза навязчивых состояний или психостении. Эриксен обнаружил, что испытуемые с высокими показателями по шкале истерии проявляли склонность вспоминать успешно выполненные задания при проведении теста на память вслед за выполнением заданий, в то время как испытуемые с высокими показателями по шкале психостении обнаружили способность вспоминать неудачно выполненные задания.

Мы подошли к окончанию обзора исследований защит, о которых я собирался рассказать. Это не означает, что больше нет подобных исследований, просто то, что осталось, мало прибавит к тому, что мы уже рассмотрели. На основе анализа охваченных работ вполне можно заключить, что существует эмпирическое подтверждение наличия защитных реакций у людей, которые широко проявляются в познавательных, перцептивных и мнемических процессах. Представляется, что существует по крайней мере два широких класса защит, а именно десенсибилизация и сенсibilизация. Конечно, здесь остается еще множество невыясненных моментов, часть из которых имеет отношение к вопросам, которые мы затронем выше. Но относительно нашего текущего вопроса, касающегося того, надежно ли понятие защиты, мы определенно приходим к выводу, что существуют систематические эмпирические данные, свидетельствующие в пользу этого понятия. К счастью, эти систематические исследования согласуются с полуэмпирическими клиническими наблюдениями, с которых мы начали обсуждение данного вопроса. С целью подведения более четкого итога уточним, что действие защит было продемонстрировано и там, где определенные стимулы провоцировали тревогу в результате специально

построенного эксперимента, и там, где стимулы выбирались так, чтобы затронуть распространённые конфликты, пронизывающие жизнь испытуемых. Было показано воздействие сенсibilизирующих и десенсибилизирующих защит на восприятие, предъявляемых на короткие промежутки времени стимулов и на запоминание этой деятельности. В нескольких самых последних работах было показано, как два эти эффекта имеют место одновременно, причем это согласуется с причастностью различных видов защит к развитию психопатологических тенденций.

Хотя мы можем теперь с определенной долей авторитетности заявить, что существуют свидетельства в пользу защиты как пояснительного понятия, у нас все еще остается проблемой вопрос, лежащий в основе недоброжелательной критики по поводу абсурдности рассуждений, признающих существование человека внутри человека. Теперь, когда есть строгие научные свидетельства в пользу понятия защиты, пора сразиться с этой критикой. Как я предположил ранее, если возможно представить основу для перевода излишне образного языка, постоянно окружающего понятие защиты, на язык описания известных возможностей единого организма, критика человека внутри человека потеряет значительную часть своей аргументированности. Я полагаю, что современные экспериментальные и теоретические разработки в области физиологии делают такой перевод возможным, и предлагаю обсудить сейчас эту проблему. Многое из того, что я скажу, исходит из блестящего начинания Брунера (Bruner, 1957), предложившего понятие *апробирования*. Чтобы показать направление, в котором родилось представление о стробировании, Брунер цитирует слова физиолога Адриана

(Adrian, 1954, с. 238—239), известного своим непревзойденным мастерством:

«Представляется, что функционирование ствола мозга имеет отношение к особым полям сенсорной информации, которые постоянно изменяются, переключая наше внимание. Поступающие от органов чувств сигналы должны по-разному обрабатываться в зависимости от того, уделяем мы им внимание или нет, и если бы мы могли понять, как и где возникают подобные отличия, мы приблизились бы к пониманию того, как достигается уровень сознания. Вопрос в том, всегда ли афферентным импульсам, порождающим ощущения, позволяется достичь коры головного мозга, или иногда они блокируются на более низком уровне. Конечно, мы можем уменьшить поток от органов чувств, закрыв глаза и расслабив мышцы, когда мы хотим спать, и вполне возможно, что чувствительность некоторых органов чувств напрямую может зависеть от центральной нервной системы. Но нет причин полагать, что даже в глубоком сне или коме сенсорные импульсы не достигают центральной нервной системы. На какой-то стадии на пути к осознанности импульсы могут встретить барьеры, которые иногда открыты, а иногда закрыты. Где они, эти барьеры: в коре, в стволе мозга или еще где-то?»

Как далеко это высказывание выходит за пределы старого представления о нервной системе, включавшего немногим более, чем стимуляцию органа чувств, передачу этой стимуляции в чувствительную зону коры, переводение ее в двигательный импульс в моторной коре и проведение этого импульса по периферической нервной системе к мышцам! Адриан совершенно четко утверждает, что центральная нервная система контролирует поступающую в организм стимуляцию. Если такой контроль, названный Брунером стробированием, будет обнаружен, психологическое понятие

защиты станет гораздо правдоподобнее. В возможности контроля со стороны центральной нервной системы за периферической стимуляцией кроется основа для перевода понятия защиты в четкую терминологию такого рода, это позволит противостоять критике, обличающей описание человека в человеке.

В поддержку понятия стробирования есть даже некоторые эмпирические доказательства. Эрнандес-Пеон, Шеррер и Джоувет (Hernandez-Peon, Scherrer, and Jouvet, 1956) проделали физиологический эксперимент на кошках, в ходе которого они записывали электрический разряд, называемый потенциалом, в нервных клетках, называемых кохлеарным центром, расположенным на пути к головному мозгу сразу после органа слуха. Исследователи так настроили свой аппарат, что всегда, когда они издавали щелчок перед ухом кошки, они могли определять интенсивность и скорость электрических импульсов в этих нервах, непосредственно связывающих этот орган чувств с центральной нервной системой. Получив количество записей, достаточное для определения нормального уровня электрической активности в качестве реакции на звуки, Эрнандес-Пеон с соавторами ввели три вида неслуховых раздражителей. Во время звучания щелчка кошкам показывали двух мышек в банке, давали нюхать рыбу или ударяли по передней лапе; таким образом, использовались зрительные, обонятельные и телесные отвлекающие раздражители. Примечательно то, что электрическая активность в нервах, расположенных сразу же за кохлеарным центром, была значительно ниже при воздействии всех трех раздражителей, чем она фиксировалась при отсутствии отвлекающих раздражителей! Вероятно, импульсы, передаваемые в мозг по

одному из сенсорных каналов, столкнулись с каким-то процессом в центральной нервной системе, посредством которого стимуляция, достигающая другой орган чувств, не передавалась за пределы этого органа. Даже не зная ничего больше об этом загадочном процессе, мы можем признать, что это четкое свидетельство надежности понятия защиты на физиологическом уровне анализа. Очевидно, что нервная система способна делать то, что многим психологам и философам представляется столь абсурдным.

Эрнандес-Пеон и его коллеги предоставили нам свидетельство существования физиологической основы десенсибилизирующих защит, по крайней мере в системе слухового восприятия. Работа других исследователей (например, Granit, 1955; Leksell, 1945; Kuffler and Hunt, 1952; Galambos, Sheatz, and Vernier, 1956) показывает распространенность этого феномена за пределы слуховой модальности и также предоставляет свидетельства существования сходного физиологического механизма у десенсибилизирующих защит. Одно из наиболее ярких проявлений последнего, снова в слуховой модальности, мы находим у Галамбоса и соавторов (1956). Они использовали процедуру записи и схему эксперимента, сходную с тем, что сделал Эрнандес-Пеон с коллегами. Отличие состояло в том, что щелчок в ухе кошки служил сигналом последующего удара. Как только кошки усвоили это сигнальное значение щелчка, представления щелчка без удара было достаточно, чтобы породить более значительную вспышку электрической активности в нервных клетках, связующих кохлеарный центр с центральной нервной системой, чем у животных из контрольной группы, для которых щелчок не служил сигналом удара. Можно представить, что в процессе науче-

ния слуховая система стала особенно чувствительна к щелчкам, чувствительнее по сравнению с нормой.

Более полное и четкое доказательство того, что центральная нервная система настраивает или расстраивает периферическую сенсорную систему, было получено Галамбосом (1956) в оригинальном исследовании. Используя записывающий аппарат так же, как в своем предыдущем исследовании и в исследовании Эрнандес-Пеона и коллег, Галамбос, кроме того, стимулировал миндалину своих кошек. Миндалина — это основной подкорковый центр слуховой системы. Он обнаружил, что при любой стимуляции этого центра электрическая активность, возникающая непосредственно за кохлеарным центром в ответ на щелчки, раздающиеся перед ухом, существенно снижалась. То есть Галамбосу удалось достичь того же эффекта, что был обнаружен Эрнандес-Пеоном и соавторами, но стимулируя прямо мозговую систему, не прибегая к стимуляции в неслуховой сенсорной модальности. Эти результаты — важные звенья цепочки, демонстрирующей, как центральная нервная система контролирует периферическую чувствительность.

Те доказательства, которые предоставили нам только что описанные исследования, естественно имеют отношение к воздействию защит на восприятие, но их нельзя столь явно отнести к другим эффектам защит. Хотя это действительно так, я бы хотел, чтобы вы поняли, что существуют другие сенсорные системы, помимо традиционных, очевидных, имеющих отношение к стимуляции, попадающей в организм из внешнего мира. Есть сенсорные системы, обращающие внимание организма к его внутреннему миру, такие, как кинестетическая и проприоцептивная системы. Вполне

возможно, что такие системы тоже настраиваются центральной нервной системой. Если это так, то это достаточная основа для более широких эффектов защит, не ограничивающихся лишь экстероцептивным восприятием. Хотя доказательства существования интероцептивной настройки пока отсутствуют, я бы сказал, что революционный шаг здесь уже сделан работами таких ученых, как Галамбос и Эрнандес-Пеон, и теоретическими рассуждениями Адриана и Брунера.

Возможно, то, как экстероцептивная и интероцептивная стимуляции входят в центральную нервную систему, можно сравнить с образцом или моделью стимуляции, существующей в памяти. На этот образец или стимуляцию наверняка оказывает воздействие прошлый опыт побед и наказаний, полученных при взаимодействии с другими людьми. Когда поступающая информация и образец хорошо соответствуют друг другу, никакого стробирования не происходит. В противоположном случае расхождение может породить физиологическую составляющую конфликта и тревоги. Возможно, это расхождение запускает какой-то процесс контроля, сенсibiliзирующий или десенсибилизирующий некоторые или все экстероцептивные и интероцептивные сенсорные модальности, так что только та стимуляция, которая лучше соответствует образцу, сможет пройти дальше к головному мозгу. Непропущенная стимуляция, следовательно, останется в бессознательном, потому что, строго говоря, она не попадает в мозг, хотя и находится в организме на уровне органов чувств. Это разрешает противоречие, возникающее при утверждении о возможности существования содержимого психики, недоступного осознанию, то противоречие, которое беспокоило многих крити-

ков понятия защиты. В более общем смысле можно сказать, что критика человека в человеке теряет большую часть своей убедительности, поскольку теперь мы можем говорить более описательным и менее образным языком. Подтверждение существования феномена стробирования делает понятие защиты более правдоподобным, чем это могли признать его противники еще несколько лет назад. На данный момент я готов прийти к заключению, что понятие защиты надежно.

Очевидно, что этот вывод имеет отношение к тем трем моделям личности, которые мы рассмотрели. Естественно, то, что модель включает или даже полагается на понятие защиты, ничего не говорит против нее. Совсем наоборот, эмпирические доказательства существования сенсibiliзирующего и десенсибилизирующего поведения в действительности говорят в пользу моделей, широко использующих понятие защиты. На этом основании можно отметить, что модели конфликта и самореализации во всех их вариантах представляются эффективными. Модель соответствия — менее плодотворная, поскольку понятие защиты не является ее составной частью. По крайней мере, это справедливое критическое замечание можно отнести к активационному варианту модели соответствия, рассмотренному теорией Фиске и Мадди. Рассуждая о коррекции расхождений между привычным и актуальным уровнями активации, Фиске и Мадди подчеркивают поведение, обладающее характеристиками сенсibiliзирующего и десенсибилизирующего процессов, с которыми мы сталкивались в описанном выше исследовании. Значит, можно предположить, что Фиске и Мадди имели в виду сенсibiliзирующее и десенсибилизирующее поведение, хотя и не

использовали традиционное понятие защиты с его акцентом на конфликте между индивидом и обществом.

Второй вопрос: все ли поведение носит защитный характер?

Обнаружив наличие эмпирических подтверждений существования защитного поведения, необходимо рассмотреть, все ли поведение или только его часть носит защитный характер. Вопрос возникает здесь потому, что психосоциальная модель конфликта в своем чистом виде признает, что все поведение носит защитный характер, в то время как большая часть других моделей считает, что лишь некоторое поведение является защитным. В действительности, вариант когнитивного диссонанса модели соответствия не отводит защите какой-то определенной роли. Большинство полуэмпирических и эмпирических данных, имеющих отношение к этому вопросу, уже было обсуждено в этой и предыдущей главах. Особую важность здесь имеют исследования, позволяющие увидеть, существует ли поведение, не искажающее реальность, в условиях, которые способствуют возникновению такого искажения.

Хотя таких открытий и немного, я подчеркивал, что каждый раз, когда исследование разрабатывалось и анализировалось таким образом, что было возможно заметить не только сенсibilизацию и десенсibilизацию, но также и нормальную и точную чувствительность, некоторые испытуемые попадали под эту последнюю категорию. Ярче всего этот результат проявляется в исследованиях памяти, и он останется устойчивым вопреки всем попыткам экспериментаторов повысить вероятность возникновения защит, оказывая давление на испытуе-

мых. Очевидно, что у некоторых людей защиты все же не проявляются, по крайней мере иногда. Бесплезно утверждать, что это доказывает только то, что эксперимент оказался неудачным для некоторых людей, что не у всех удалось вызвать тревогу и задеиствовать конфликты. Именно это утверждение признает, что некоторые люди не используют защитные механизмы, по крайней мере иногда!

Хотя свидетельства такого рода всего труднее найти в исследованиях восприятия, я все же указал на то, что, весьма вероятно, они там тоже есть. Поскольку соответствующие исследователи не особенно интересовались своими испытуемыми, демонстрирующими точное восприятие, то есть без недостаточной и излишней чувствительности, они не анализировали свои данные таким образом, чтобы сделать эту информацию доступной. Но при внимательном рассмотрении их результатов можно отметить два момента: в типичном исследовании выявляются значительные расхождения в скорости восприятия у различных испытуемых, а среднее расхождение во времени, необходимом для восприятия критических и нейтральных слов, обычно незначительно. Эти две особенности заставляют предположить, что количество точно воспринимающих испытуемых, вполне возможно, достаточно велико.

По моему мнению, такого рода доказательства, хотя и не являются исчерпывающими, поддерживают ту точку зрения, что некоторые люди существенно не искажают реальность, даже когда на них оказывают давление и запугивают. Таким образом, у нас есть эмпирическое основание разрешить поставленный ранее вопрос в пользу той точки зрения, что некоторое, но не все поведение носит защитный характер. Из